

— Ты собираешься признаться в любви Хань Цзинъюю? — Сюй Нин посмотрела на него с нескрываемым недоверием. — Прошло всего несколько дней! Неужели все те долгие уговоры не лезть в чужие отношения и не становиться любовником прошли даром?

— М-м... я всё решил, — Гао Минсюань серьезно кивнул.

После того случая с поцелуем ему несколько ночей подряд снилось, как они целуются с Хань Цзинъюем, но тот каждый раз грубо его отталкивал. Будучи твердо уверенным в том, что сны всегда сбываются с точностью до наоборот, он с легкостью принял решение признаться.

— У Хань Цзинъюя есть девушка... ты не можешь быть третьим лишним, — Сюй Нин почти прорычала это сквозь зубы.

— Они расстались, так что я больше не любовник, — при упоминании об этом лицо Гао Минсюаня расплылось в довольной улыбке.

— Расстались? Когда? Откуда ты знаешь?

Под напором расспросов Сюй Нин Гао Минсюань с самым счастливым видом выложил всё: и про тот поцелуй, и про свои сны.

— Ну ты даешь, братец, — Сюй Нин подняла большой палец вверх, не зная, смеяться или плакать.

Гао Минсюань принял это за чистую монету и гордо задрал нос.

— Сюань-эр, ответь на вопрос: сколько нам осталось до выпускных экзаменов? — Сюй Нин решила зайти с козырей и остановить это самоубийственное признание, напомнив о будущем.

На её взгляд, поведение Хань Цзинъюя в тот вечер ясно давало понять, что парню его друг абсолютно безразличен. Если бы Хань Цзинъюй не был новичком в этом городе, он бы, скорее всего, нашел повод для расставания с девушкой еще более нелепый, чем просто случайный поцелуй.

— Сейчас начало ноября, значит, примерно восемь месяцев.

— Вот именно. А если... предположим... может быть... допустим... ты признаешься, а он тебе откажет? Ты ведь впадешь в отчаяние, будешь страдать, зачахнешь и решишь, что жизнь потеряла смысл? И как ты тогда поступишь в университет мечты? Как потом будешь заботиться о родителях?

— С чего бы это? Ведь мой сон...

— Я говорю: если, предположим, может быть, допустим.

— ...Тогда... тогда... если, предположим, может быть, допустим, даже если я получу отказ, с чего ты взяла, что я буду страдать и зачахну?

Сюй Нин лишилась дара речи.

— А ты подумал о том, что если Хань Цзинъюй к тебе равнодушен, твое признание может доставить ему массу неудобств?

— Почему это оно должно доставить ему неудобства?

— Вспомни свои прошлые романы. Разве хоть раз девушки не сами признавались тебе в любви? Разве хоть раз твои отношения длились дольше недели? И разве хоть раз это не влияло на окружающих?

— Да ни на кого это не влияло, — Гао Минсюань задумался над вопросом Сюй Нин и пришел к выводу, что она права.

В прошлых отношениях он лишь недоумевал, когда его бросали, но настоящей боли или грусти никогда не чувствовал. В конечном счете, это и стало одной из причин, по которой он осознал свою ориентацию.

— Мне искренне жаль твоих бывших девушек, — Сюй Нин была готова прибить его на месте.

— Разве тебе не должно быть жаль меня? Это ведь меня бросали!

Что с Сюй Нин не так? Она еще его подруга или нет? В конце концов, это они его бросали!

— Дай мне передохнуть. Не подходи ко мне следующие несколько дней. Как отдохну, тогда и поговорим о твоём признании, а пока — ни шагу! — Она сердито зашагала прочь, на ходу хватаясь за голову. — Ох, голова раскалывается.

— Эй? Ты чего? На сколько дней тебе нужен отдых? Скажи точно... Эй... Нин-эр...

Глядя вслед уходящей Сюй Нин, Гао Минсюань проворчал себе под нос: Зачем ей отдыхать? Почему нельзя ко мне подходить? Почему нельзя признаваться? Странная она какая-то.

Если бы Сюй Нин услышала это ворчание, она бы прибила его еще до того, как у неё окончательно разболелась голова.

Следующие несколько дней Гао Минсюань вел себя послушно и не спешил с признанием, что принесло Сюй Нин некоторое облегчение — по крайней мере, этот олух умел слушаться.

Но, дружище, что ты пытаешься изобразить, когда постоянно подпираешь щеку рукой и смотришь на него с этой загадочной улыбкой? Если не пнуть тебя как следует, ты ведь и учиться спокойно не дашь!

К счастью, сидевший рядом Чжао Цзывэнь не знал всей правды, иначе неизвестно, чем бы всё закончилось.

В тот день на уроке сосед по парте Фан Цзыхао, Лунлун, то и дело косился на Гао Минсюаня и Хань Цзинъюя, каждый раз едва сдерживая смех. Фан Цзыхао это раздражало, он нахмурился.

— Ты чего?

— Брат, я тебе сейчас такое скажу... — Лунлун украдкой взглянул на Гао Минсюаня, наклонился к уху старшего и зашептал. С каждым словом Фан Цзыхао злился всё сильнее, его кулаки сжимались, пока он наконец не выдержал и с силой ударил по парте.

Ученики, занятые самостоятельной работой, вздрогнули от неожиданного грохота и обернулись.

— Брат, ты чего? — озадаченно прошептал Лунлун.

Фан Цзыхао сдержался из последних сил, чтобы на глазах у всех не схватить Гао Минсюаня и не потребовать объяснений.

— На что уставились? — рявкнул он, и все тут же уткнулись в свои учебники, хотя шепот за спиной было уже не остановить.

Не желая больше оставаться в классе, Фан Цзыхао встал и вышел, прихватив с собой ошарашенного Лунлуна.

— Эй, Сюань-эр, ты знаешь, что происходит? — Чжао Цзывэнь, считавший Фан Цзыхао своим кумиром, не выдержал, как только тот скрылся за дверью, и похлопал Гао Минсюаня по плечу.

— Почему ты спрашиваешь меня? Откуда мне знать?

— Он же угощал тебя напитком на днях. Ты видел, чтобы он хоть кого-то в этом классе еще угощал? К кому он еще так хорошо относился?

— ... — Бутылка напитка — это аргумент? Гао Минсюань с презрением взглянул на собеседника и отвернулся, возвращаясь к учебе.

<http://bllate.org/book/20010/1974450>